

12 КРУЗОБОР 75

Л. И. БРЕЖНЕВ: Опыт Советского Союза и других стран социализма неопровержимо доказал, что расширение женщин и их деятельное участие в общественно полезном труде и в управлении государством не только возможны и осуществимы, но и являются неременной предпосылкой экономического и социального прогресса вообще.

Женщина! Если один поэт восторженно восклицает: «О, женщина! Ты книга между книг!», — то другой с сердечной искренностью говорит, обращаясь к своей любимой: «Ты такая ж простая, как все, как сто тысяч других в России». И они оба правы, потому что простую, как бы обыкновенную женщину можно читать, как волшебную книгу, испытывая необыкновенный восторг, и этих страниц в ином случае хватает на целую жизнь.

Советскую женщину, помимо ее прелести и дивной красоты, уже одно то возмущает, что она добилась равенства, которое дает ей возможность господствовать в жизни: становится из простой ткачихи министром культуры; из девушки, с юности любившей море, — капитаном, хозяином корабля; во время войны — командовать эскадрильей, даже целым авиаполком; быть народным поэтом, слава которого переходит рубежи ее родины, и матерью таких же свободных, как она, детей, за счастливую жизнь которых она так долго и победно боролась.

Много добрых, красивых, умных девушек и женщин на свете, и они благодарны нашим женщинам и девушкам за высокий пример, какой они являют для этих жаждущих света и свободы гражданок стран, где еще надо бороться за право свободного существования.

Наши девушки и женщины хотят счастья всем и поэтому с такой энергией включаются в борьбу сил мира за национальное и социальное освобождение, против всех видов угнетения, какие еще существуют в мире.

Чтобы выйти на дорогу прогресса и настоящей жизни, наши девушки и женщины стали бесстрашными. Они не боялись и не боятся никаких трудностей. Они

ДОЧЕРИ БОРЬБЫ

сражались как солдаты, погибли как герои, вдохновляли на подвиг как поэты, они трудились и трудятся в первых рядах строителей Советской социалистической державы.

Их не «сто тысяч» в России, как сказал поэт, их миллионы. И мы называем их в своих обращениях королевами, ангелами, милыми красавицами, боевыми подругами, любимыми, товарищами. И это все правильно!

И есть единственная в мире женщина, которая всеми любима, которая является вершиной женского свободолобия. Имя ее — Валентина Владимировна Терешкова, а в народе зовут ее просто Валией. Она Герой Советского Союза, первая женщина, взлетевшая в космос. Я был свидетелем, как за рубежом матери подносили ей младенцев, чтобы она на счастье подержала их на руках, погладила их головки, девушки приносили ей цветы как воплощение их мечты-сказки о будущем. Ее судьба — пример того, каких высот могут достичь женщины и девушки мира, когда всем откроются широкие дороги в жизни.

Женщины в лучшем своем воплощении являются источником света и прогресса. Их усилия в борьбе с фашизмом, с империализмом, с реакцией, в борьбе за мир никогда не будут забыты человечеством! Их образы закреплены в сознании, в сердце каждого благодарного мужчины, в мировом искусстве.

Недаром так радостно и полно прозвучали на всю планету два недавних всемирных форума — Московская встреча девушек и Берлинский конгресс, посвященный Международному году женщины. От всего сердца желаю счастья дочерям великой борьбы!

Николай ТИХОНОВ.

Герой Социалистического Труда,
председатель Советского комитета защиты мира

ПРОГРАММА
МИРА —
И ДЕЙСТВИИ!

Фото
Д. Лазарева

Т. Стаффорд,
Д. Слейтон,
В. Бранд.
Рисунки
сделаны
А. Леоновым
в космос.

3

Расскажите, пожалуйста,
о советских и американских космонавтах —
участниках полета «Союз — Аполлон».
Коллектив редакции
Патриотской ССР

Кайсын КУЛИЕВ

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

Как льноздается орлицу-мать
Орленок жлет тревожно, жадно, немо,
Так ждет поэта-воина поэма,
Которую не смог он дописать.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Нет сорока еще... Но, говорят,
Что с виду старше и

кажусь на много...

Пробилась юность через это преград,
Под пулями прошла ее дорога,
Мы знали, что беречь себя нельзя,
Не укрывались за чужие спины,
В окопах промерзали мы, грызла
Сухарь, окаменевшая вполоную.
— Моложе с виду люди

тех же лет...

Видать, они, когда грелись войной,
Счастливей были?..

Отвечаю: нет!

Кто говорит «счастливей»?..
Нет. Спокойней!

МОЕ СЛОВО

Не под сводом жанского дворца—
На ветру мое жужало слово,
И не сладкоречием льстеца
Был мой стих—свободный и суровый.
Он в горак со мною вместе рос.
Камни были нашей колыбелью.
С ним я взбирался на утес,
Перепрыгивал через ущелье.
Ветер волосы трепал мне,
Свежестью высот лаская кожу.

И сложили горных рек струи
Вольный стих,

на взмах крыла похожий!

А когда военный гринул шквал,
Бить врага мне помогало слово.
Палал я, сраженный, и вставал,
И вставал, стихи слогаи снова.
В дни беды большой моей стране
И Балкарскому родному краю,
Слово, ты служило на войне,
Ты в огне горело, не старая,
Если даже я лищуся угла,
Корки хлеба не достану черной,—
Песнь моя пребудет, как была—
Непоклончиво, непокорной.
Это—клевет, крыл орлиных взмах,
А не сочиненье стихотворца...
Если смерть меня повергнет в страх—
Вы меня не хороните, горы!

СОЛДАТ

Пришел он с бранного поля,
С тяжелой пашин войны,
Победу добыл он с болью.
Губы его бледны
Но смотрят глаза зорко,
Хоть пороком их ожгло,
Хоть тысячу раз мяхоркой
Дымил он, ветрам назло.
Волны он хлебнул соленой,
Доисовой и волжской воды,
В днепроговской струе студеной
Наметил кровью следы.
Гналась за ним смерть упрямо,
Но была не до конца
На теле—тяжкие шрамы,
Все ж сердце—крепче свинца.
Солдат сорок первого года,
Ничем он не победил,
Усталость, горечь, похода
Улиш, как махорки дым.
Леса позади, пустыни...
И вот на привале, тут,
Он дышит запахом дыни,
Он дышит тут же не растут.
Он дышит запахом дома,
Хоть он далека, его дом..

Но те, что с ним незнакомы,
Кто выйдет в поле потом,
Когда оттремт раскаты,
Снарядов умолят шквал,
Помнят добром солдата,
Кто жемло их отстоял,
Вернул свободу Отчизне,
Своих не цена заслуг...
И в этом—смысл твоей жизни!
И в этом—смысл твоих мук!

КЛИНОК НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ

Если эту книгу (все возможно!)
После смерти изддут моей,
Верно, будет размышлять художник,
Что ему изобразить на ней,
Я хочу помочь ему немного—
Пусть в труде не будет одинока!
Друг-художник! На обложке строгая
Да предстанет мужества клинок!
Мужество!.. Средь радостей и бедствий
Я ценю крутой его накат,
И стихи из горестного сердца,
Слово бы из ножен извлекал.
Если стинет мужество, с ним вместе
Волк к жизни от меня уйдет.
Без него свободы нет и чести.
Мужество—стихов моих оплот.
Книгу эту осенит по праву
Лезвие блестящее клинка.
..Да, клинок!..

Но только—не кровавый!

Пусть он будет прожит на века!
Не клинок, что, горе всем готовая,
Поразжал, сбивая слабых с ног.
Снег обрызгивая детской кровью...
Пусть в земле истлеет тот клинок!
Пусть во сне вовеки не притиснет!
Порождавший ненависть и страх.
Мужество не спойственно убийце...
О другом клинке пою в стихах.
Я пою лавду клинку свободы,
Что из правды и отваги слит.
Выкованный в сердце у народа,
Как комета, в небе он горит.
Он со славу истины непреложных
Проклялся в тылке огней...
Вот такой клинок—прошу, художник!
Ты на книге нарисуй моей!

В эти дни Эдит Piaф минуло бы шестьдесят лет. Но дата, пожалуй, ни при чем. Piaф была человеком, отмеченным чертами вечного в характере, в артистическом предназначении. Ее искусство исходило, казалось, от самой земли—звонких камней Парижа. Ее называли душой улицы, и даже в пору обозначившейся известности она любила иногда попеть на улице, прикоснуться к роднику.

Люди останавливались, слушали, принимали ее пеню за малодушную имитацию «невосторимой Эдит», шли дальше.

Сама же Piaф никогда не проходила мимо людей. Невидимые нити тянулись от нее и к ней, точно к живому коммутатору, отовсюду. Подробно эффелевскому богу, она закидывала в небо своей слабой рукой звездочки, которые—она знала!—станут звездами: Азнавур, Беко, Мартан—им такие числа.

Много писали о внезапном превращении уже больной Piaф в феномен красоты при появлении ее у рампы. Это правда,

руки, легкое движение кисти магически действовали на зрителей. Она пела им историю своей жизни. От начала до конца. С того момента, когда 19 декабря 1915 года двое полужидких в развевающихся пелеринах прибежали к дому 72 на улице Белвилль, чтобы сыграть роль актеров при появлении девочки Эдит Гассон, ставшей потом Эдит Piaф. И до рокового четверга в октябре 1963 года, когда из-под Грасса ее увезли в полузабытый в ее квартиру на бульваре Ланн, где через несколько дней было черным-черно от народа.

Жизнь в песнях или песнь в жизни—как угодно!—и есть главное чудо в истории Piaф. Ее песни—это просто она.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Piaф мало снимали в кино. Еще меньше в хронике. Ее чаще записывали.

Частичку этой фонографической мозаики вы услышите на седьмой звуковой странице.

ПЕСНЯ ЭДИТ ПИАФ

но не столь уж поразительная. По-видимому, в юные годы ее очарование парижанки—остроумной, порывистой, доброй в радости и в печали и вдруг самозабвенно отдающейся во власть собственному гипнотическому пению—было нестранным.

О голосе же сложены легенды. Кто-то писал о нем, как о звучащей тени, «которая заполняет все вокруг, летит все выше и выше, и кажется, будто это поет уже не мадам Piaф, а моросит дождь, стонет ветер и лунный свет стелет салфетку на мостовой».

Но прежде всего то была песнь человека. Тот открытый «крик предместий», который певцы Парижа передавали друг другу, точно драгоценную эстафету. И Piaф в молодости вслушивалась, как она любила—закрыв глаза—в пластинки Дамы, Жорж, Дюба. Их традиции она продолжала, их принципам следовала.

Несмотря на полную бурь и превратностей жизнь, Piaф всегда была человеком правил. И весьма строгим. Беко рассказывал мне, что он поражался серьезности ее отношения к песне. «Для меня она была,—говорил он,—человеком логичным, требовательным—когда нужно, снисходительным—если возможно. И, сверх того, существом загадочным, чем-то вроде табу». Профессионализм ее был фантастичен. «Ты должен,—говорила она Лени Эскудеро,—заранее вылепить песню с такой точностью, чтобы в самый патетический момент смог бы вспомнить о кватитации за квартиру». Изощренная актерская техника и автоматизм вполне в традиции Сары Бернар!

Но лишь только Piaф выходила к рампе, автоматизм уходил в тень и в свете прожекторов в зал летел голос поющей души, открытой, откровенной, искренней. Публика устремлялась навстречу своей любви, не думая ни о чем. Она была пленена всем в этой женщине. Неспешный жест

В КОЛЛЕКЦИЮ
РЕДКИХ
ЗАПИСЕЙ

Научились мы строить быстро! Пока шел к читателю этот номер «Кругозора», наверняка успел измениться пейзаж, который выбрал фотокорреспондент фронтом для портрета Семена Павловича Тутученко.

Впрочем, «пейзаж» не очень точно здесь слово. Пейзаж—это то, что начепа и закончила сама природа. На снимке же все—от светлого, распланутого многоквартирного здания в глубине до хрустких берез на переднем плане—задумано людьми и сделано ими. Многими для многих.

—Соотношение прошлого и будущего в замыслах архитектора?—переспрашивает Семен Павлович.—Тут ведь никаких секретов нет: даже углубляясь в прошлое, нельзя забывать о будущем. О том, кто положит цветок к гранитному постаменту. О том, кто войдет завтра в дом, построенный или задуманный тобой. Да, это трудно—переводить в стекло и бетон, в квадратные метры и этажи свои представления о завтрашних людях. Что за вкусы будут у этого поколения? Предложить ему все готовое как плод своих, так сказать, бессонниц? Или дать новеллу простор для творчества даже в собственной квартире?..

Что там, за красивыми, светлыми фасадами? В квартирах—одна, две, три комнаты. Площадь соответственно—37, 50 и 67 квадратных метров. Удобная свободная планировка. Альковы. Переמצающиеся перегородки. Встроенная мебель.

Таков Северо-Броварской жилой массив в Киеве, построенный в девятой пятилетке. Район, которым имеет основание гордиться Герой Советского Союза С. П. Тутученко.

...Семен Тутученко, начальник штаба комсомольского кавалерийского дивизиона в партизанской армии Ковпака, стал архитектором еще перед войной. Архитектором,

УЛИЦА ТЫСЯЧЕЛИТИЯ
БЕЗ ПЕРЕМЕН

●
ТЕСНОТУ НАМ
ДИКТОВАЛО ГОРЕ

●
НУЖНО ЛИ
ЛОМАТЬ ТРАДИЦИЮ?

●
ДОМИНАНТА
БОЛЬШОГО ТЕАТРА

●
СТРОИТЬ БЫСТРО—
ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ

2

Может
завиского архитектора
С. П. Тутученко—
на звуковой странице.

ДОМ ДЛЯ ТЕБЯ

то есть человеком, чье призвание—созидать. Стране приказала ему делать другое. Было ли это трагедией? Это было долгом.

Строить после войны он стал так же жаростно, как сражался. В Киеве пробивало себе дорогу во многом его усилиями сборное домостроительство. Потом его назначили главным архитектором Севастополя. На руинах, где уцелело каких-то полтора десятка домов, вырос белокаменный красавец город. И встали памятники, памятные его побратимам на местах главных боев козлаковцев. В Карпатах, где похоронен легендарный комиссар Семен Гуднев. На братской могиле в Блдице. В Сумах. В Путивле.

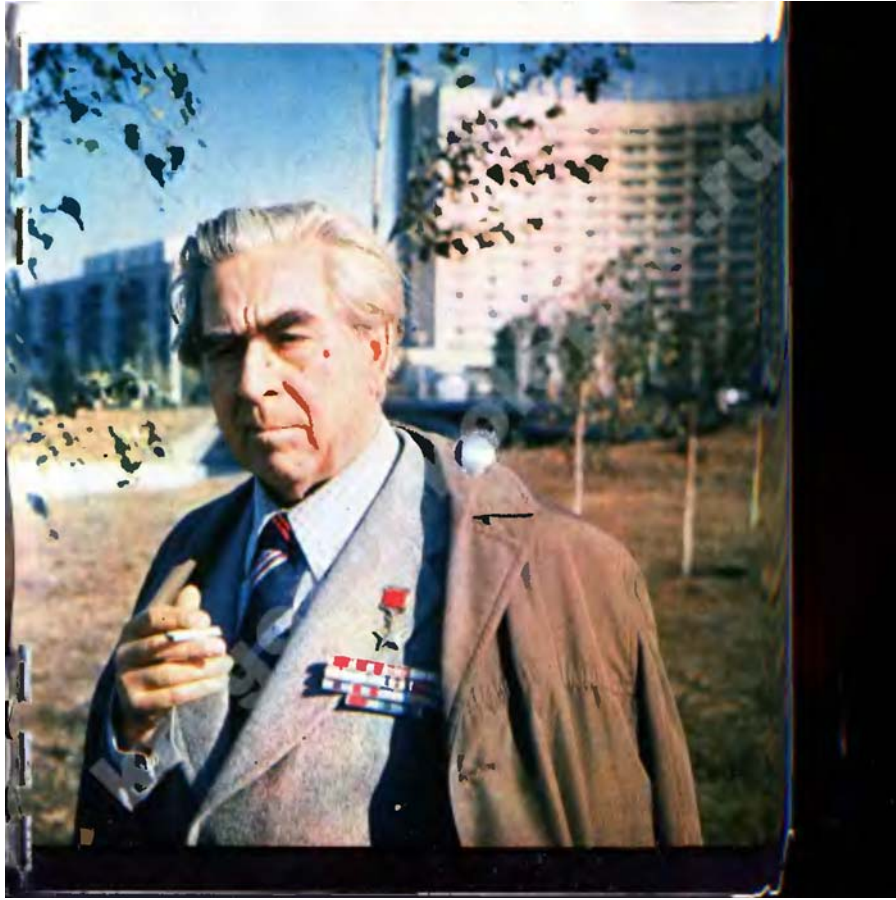
...В Путивле прошло мое военное детство. В череде безнадежных, горьких дней был и один светлый. Это когда оккупированный город вдруг очистился от фашистов, будто вымерли они. Ехали главной улицей конники с альми лентами на палках, пели песню. Везли в телегах продукты, щедро делились с людьми хлебом, салом. Мне, пацану, насыпал молоденький партизан, окинув глазом почти пустую бричку, мой же картуз соли. Царский подарок: была в ту пору соль дороже золота.

Вспомнил я эту историю, когда захлал однажды к Семену Павловичу. Рейд-то в Карпаты начинался от нашего города, так, может, и слышал он что об этом?

—Выходит,—завульбался Тутученко,—тогда и могла произойти у нас первая встреча. Потому что находился я в той партизанской группе, которая в мае scorso второго заняла на три дня Путивль. И соль раздавал, когда другое все кончилось.

Вот о чем хотелось мне рассказать, прежде чем поставите вы на проигрыватель звуковую страницу.

Б. ВАХНОК
г. Киев

Ж. Древилль
(«Нормандия—
Неман»)

А. Торндайк
(«Это не должно
повториться»)

С. Форман
(«Компаньеро»)

Р. Кармен
(«Гренада,
Гренада,
Гренада моя»)

М. Антониони
(«Профессия:
репортер»)

Жан ДРЕВИЛЛЬ (Франция): «Репортер должен уметь показать существенное и неуклонно стремиться к правде. Спустя два года после войны я снял ленту о том, как гитлеровцам помешали захватить запасы тяжелой воды—ценнейшего атомного сырья, находившегося в Скандинавии. В съемках участвовали подлинные герои эпопеи. И они заключили со мной контракт, который формально запрещал мне показывать то, чего не было ими совершенно на самом деле. Во время работы над «Нормандией—Неман» годы боев надо было сжать в минуты. Поседевшие летчики полка не снимались, их играли молодые актеры. Но ветераны контролировали все. И я подчинялся, понимая важность правды, точности даже в полудокументе».

● Аннели ТОРНДАЙК (ГДР): «Какой репортер? Где он работает, в чьих интересах? Социалистическому документали-

сту следует знать, что важно и интересно для народа. Он должен быть, как мне кажется, смелым, самостоятельным и объективным человеком. К примеру, мы работаем за рубежом и передаем корреспонденцию домой. Мы должны честно показать, что в этой стране происходит на самом деле, а не рисовать события в желаемом духе. Но трактуем мы их со своей точкой зрения».

● Стенли ФОРМАН (Англия): «Так— важная сторона репортерской натуры. Вы видели, возможно, нашу картину «Компаньеро»—о замечательном чилийском певце и поэте Викторе Хара, который был замучен гитлеровскими палачами. В фильме есть репортерские кадры, весь же фильм ведет двою Хара—Джован. Она рассказывает, и только. Но когда мы снимали ее прекрасное лицо, нам казалось, что в ее глазах отражена трагедия дружной и

РЕПОРТЕР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

нежной семьи Хара, как и судьба всего Чили. Мы вели репортаж «ее глазами». Некоторые нас упрекали, говоря, что нельзя прикасаться к ране таких людей, как Дюан. Но мы, напротив, ее чуть-чуть защитили: фильм позволил ей реже обращаться к самым страшным дням в ее жизни и в то же время продолжать борьбу».

● Роман КАРМЕН (СССР): «Два года назад во время моей поездки по США меня спрашивали: «Почему вы называете свои фильмы документальными? Вы называете зрителя свою позицию. Ваш фильм не документ». Я отвечал, что кинорепортаж не существует вне позиции художника. И так было всегда. Наше вооружение изменилось. Но, как и раньше, не техника решает. Решает репортер. Его партийный подход. В моем случае это подход снимающего мир коммуниста. От первых пятилеток, Испании и Великой Отечественной войны

до фильмов о «пылающем континенте» — Латинской Америке.

● Микеланджело АНТОНИОНИ (Италия): «Мне кажется, что идеального репортажа не существует. В том смысле, что каждый киножурналист должен иметь свое лицо и свой способ работы. Все это должно соответствовать его морали, взгляду на мир, его собственной натуре, типичному для него методу контакта с жизнью и событиями. Меня, например, всегда интересовали чужая жизнь, опыт других. Ведь моя жизнь — это моя жизнь, и я таков, каким позволяет меня работа. Может быть, лишь это сближает меня с персонажем фильма «Профессия: репортер» Локком. Но разница между нами в том, что репортер — это свидетель. Я же скорее из ряда действующих лиц. Мое ремесло позволяет мне самому «ставить опыт», а не только описывать то, что делают другие и что фиксирует репортер».

Идея анкеты «Кругозора» возникла в «горячих точках» IX Московского международного кинофестиваля на пресс-конференциях, у выхода из синего «документального» зала в «Зеркале», где в паревые члены жюри обменивались впечатлениями, наконец, в Шереметьевском аэропорту, где брелись первые (и часто единственные) интервью. Как раз именно там, во время беседы с Микеланджело Антониони, привезшим в Москву свой последний фильм — «Профессия: репортер», и отшлифовалась формула анкеты:

1. Какими качествами должен обладать кинорепортер (и вообще репортер) сегодня?
2. Наиболее впечатляющий кинорепортаж, который вам пришлось видеть либо снимать?

Ответы на первый вопрос — перед вами, ответы на второй вы услышите на четвертой звуковой странице.

Т. ДМИТРИЕВ

По просьбам читателей

В фильме «О, счастличики!» Алан Прайс играет самого себя — музыканта Алана Прайса. Впрочем, нет, не играет — каждое его появление на экране, каждая вокально-инструментальная пьеса, исполняемая им и его музыкантами, словно бы разрывает дистанцию сюжета, сулит иной ракурс взгляда на происходящее, возможность перевести дыхание, переключиться на новую волну восприятия.

Задумав «Счастличики» как прямой ответ на фильм американца Стенли Кубрика «Механический апельсин», поразивший даже видавшего виды зрельца своей жестокостью и несилиями, режиссер Линдсей Андерсон не только пригласил на главную роль того же Малкольма Макдауэлла, но и решил, как и Кубрик, провести героя через все круги ада современного капиталистического общества. Правда, в ином порядке, с иной отправной точки, к иному — художественно и граждански более точному — конечному результату.

«Если у тебя есть друг, считай, что тебе повезло», — поет Алан Прайс в самом начале фильма, в канун нашего знакомства с главным героем, с его ослепительной, очаровывающей всех улыбкой. Какой-то горькой иронией и грустью окрашена эта песня, давшая название фильму, настроившая нас на встречу с человеком, вроде бы запрограммированным на успех, на исполнение желаний, на «все о'кей!». И потом, в течение всего фильма, эхо этой и других песен Прайса, тоже как будто никакого отношения к происходящему на экране не имеющих, будет сопровождать героя, аккомпанировать нашему сопереживанию во всех тех жестких жизненных перипетиях, какие выпали на его долю.

Алан Прайс, музыкант и исполнитель, вот уже более десяти лет находится в фокусе внимания достаточно широкого круга молодежи. В 1963 году он вошел в группу «Энималс», тогдашний руководитель — Бартон сумел собрать вокруг себя талантливых молодых музыкантов.

Органист и певец Алан Прайс стал одним из главных действующих лиц в этом ансамбле, завоевавшем весьма громкую популярность.

В 1965 году группа распалась. Бартон еще не раз собирал ансамбли, но Алан Прайс к нему не возвращался, предпочтя самостоятельную работу. Больше всего, пожалуй, в эту пору, как, впрочем, и сейчас, его привлекает сочинительство — он много пишет для кино, оформляет спектакли, не создавая постоянного ансамбля для исполнения своих песен.

— Мы собираемся вместе только затем, чтобы наиграть новую пластинку. Я знаю своих партнеров как очень хороших профессионалов, — говорит 35-летний автор песни «О, счастличики!» Алан Прайс, тот самый, который исполняет ее в начале фильма:

«Если у тебя есть друг, считай, что тебе повезло...»

Александр МАРЬЯМОВ

**„ЕСЛИ
У ТЕБЯ ЕСТЬ
ДРУГ...“**

Сценарист и режиссер В. С. Лопатин в течение трех лет работал над созданием научно-документального фильма «Декабристы».

Изучая материалы, он, естественно, обратился к широко известному акваральному рисунку художника Кольмана, иллюстрирующему события 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Выделения из целого детали и сопоставляя их с историческими данными,

В. С. Лопатин справедливо усомнился в достоверности рисунка как свидетельства восстания.

К 150-летию восстания декабристов

Полтора века отделяют нас от 14 декабря 1825 года. И почти столько же — от создания акварели на эту тему. Вспомним, как развлекательные события.

Первыми вышли утром на Сенатскую площадь и выстроились в круг — боевым четырехугольником — 800 солдат лейб-гвардии Московского полка во главе с братьями Александром и Михаилом Бестужевыми и штабс-капитаном Шепениным-Ростовским. Прибывшего с уговорами военного генерал-губернатора Милорадовича сразила пуля Петра Каховского. К часу дня к москвичам присоединилось свыше 1000 моряков Гвардейского экипажа под командой Николая Бестужева и лейтенанта Арбузова и около 1250 лейб-гренадеров, которых привел поручик Панов. На прилегающих к Сенату улицах собрались огромные толпы народа. Преплавали цеховые, дворовые, крестьяне, разночины. Они открыто выражали сочувствие восставшим. Декабрист Розен писал позже, что три тысячи солдат в руках одного начальника, в окружении десятков тысяч готовых им содействовать людей могли бы все решить. Но каре до вечера простояло в вынужденном бездействии: не явился избранный диктатором Трубеткой. Оправившийся от испуга, Николай успел стянуть войска.

За подавлением восстания последовало время реакции. Любое упоминание о декабристах было запрещено. Питеро казнили, остальные на каторге, в

**ПОБЕДИТЕЛЬ НА БЕЛОМ КОНЕ
ИЛИ ПЕРЕЛУГАННЫЙ МОНАРХ?**

● **КАРТИНА О ВОССТАНИИ...
БЕЗ ВОССТАВШИХ.**

● **ТОЛПА РАВНОДУШНЫХ ЗЕВАК
ИЛИ ДЕСЯТЫЙ ТЫСЯЧ - ГОТОВЫХ
СОДЕЙСТВОВАТЬ?***

● **ПОДЛЕЦ, ЧТО ЖЕ ТЫ
НЕ СТРЕЛЯЕШЬ? — «СВОИ ВЕДЬ,
ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ!»**

КЕМ БЫЛ ЗАКАЗАН РИСУНОК ?

ссылке... И вдруг художник все-таки отражает происшедшее на Сенатской площади. Автор рисунка — Карл Кольман, выходец из Германии, получает, очевидно, заказ. Но от кого?

Одну из первых публикаций мы видим в журнале «Русский архив» начала девятидесятых годов. Там говорится, что акварель любезно предоставлена редакции наследниками графа Бенкендорфа, командовавшего 14 декабря карательными отрядами. До этого он был известен лишь как участник войны 1812 года. Но уже в начале 20-х годов Бенкендорф проявил интерес к полицейскому сыску и предлагал усилить полицейский надзор в армии, реформировать службу охраны в России вообще.

Николай всю жизнь помнил день, когда, по словам В. И. Ленина, «...Россия впервые видела революционное движение против царизма...». Страх Николая был известен Бенкендорфу. Тем не менее на акварели Кольмана Николай изображен победителем.

Совершенно ясно, что заказчик хотел видеть в этой картине свидетельство торжества императора. Значит, он тоже был заинтересован в том, чтобы была стерта из памяти подлинность происшедшего. Кто же был человек, сделавший заказ художнику? И в чем Кольман, ведомый его идеей, погрешил против истины?..

Вячеслав ЛОПАТИН

На пятой звуковой странице В. Лопатин обращает внимание на выделенные здесь фрагменты рисунка.

Все казалось странным в этом поселке. Ожидала холода, пурги, а сентябрь встретил двадцатипятиградусной жарой, белесым небом, рыжей пылью, клубящейся за огромными БелАЗами, безостановочно ползущими от карьера к плотине. И оттого, что трудно было привыкнуть к иному счету времени, от льющегося с высоты бледно-золотого света, от настоящего на кедрах тайги сухого терпкого воздуха, а главное, от сознания, что совсем рядом Полярный круг, кружилась голова. Ей все вспоминался глобус и жирная черта у самого его верха, и казалось, что человеку опасно находиться у этой черты: может не удержаться, не совладать с вращением планеты и, превратившись в астральное тело, улететь в неведомый черный космос.

С жильем было трудно. Галину временно поселили в гостилицу, где хозяйничала Раиса Гудкова. Целыми днями, шаркая опухшими ногами в шерстяных чулках, она пылесосила ковры, сметала пыль с полированной мебели, поливала цветы в кадках. А вечером, заваривая чай с брусничкой, пригласила Галину в «люкс» поговорить по душам.

Через несколько недель появился новый постоялец — Саша Палущий, худой, быstroглазый, он сразу не понравился Раисе:

— Наверняка грязь в номере разведет. Но ошиблась. Он даже сам убирал номер, ее не пуская. Работал, как и Галина, инженером-сметчиком, но, глядя на его ловкую маленькую фигуру, мельтеящую в колесарении огромнойстройки, Галина ощущала себя неповоротливой и вялой. Это злило, и очень скоро между ними возникло словно соперничество, а тут еще впервые комплексные бригады стали организовываться, для них сметчик — первый человек.

Шла из «люкса» полутемным ночным коридором к себе в номер, когда открылась дверь, вырós на пороге.

— Заходите, — поклонился театрально. — Слушайте, это же сужа получается — так жить. Есть клуб, и есть совсем нестарые люди. Пускай вместе придумают что-нибудь хорошее.

— Пускай, — согласилась Галина. И вдруг спросила очень серьезно: — Саша, вы почему сюда приехали?

— Кочевые гены, — легко откликнулся он. — А вы?

— Если одним словом — другой жизни захотелось.

— Другая жизнь и берег дальний, — запел он и осекся. — Берег действительно дальний, — проговорил шепотом, будто тайной поделился.

И оттого, что тоже говорила тихо, чтоб не разбудить спящих за стеной, легко стало вдруг сказать главное, о чем думала в эту долгую полярную зиму.

— Знаете, принято считать, что на Север за длинным рублем едут, а я теперь не верю. Слишком велика расплата. Неужели для того бросили материк, чтобы, науродовавшись на морозе, вернуться назад с мешком денег, а лучшие годы в труде и скуке прожить? Не верю.

— Проверим! — весело сказал Саша, с внимательным удивлением глядя в ее лицо. — Завтра же проверим!

ГАМЛЕТ С ТОГО БЕРЕГА

Отрывок из повести

Объявление завесили утром по дороге на работу у магазина, а почты, на ГЭС. Надеяться, может, хоть десять человек откликнутся, хоть пять. А тут большой зал стал тесным от ватников, сленных дох, гудел простуженными голосами, хлопал откидывающимся сиденьями кресел, стучал одереженными на морозе сапогами. Пришел начальник стройки Воронцов, даже продавца Кирихина явилась. Разряженная, в пушистой шубе, в сренбургском платке и огромных валенках с кожаными пятками.

Раиса, конечно, зашла, увидев Кирихина: — Эта зимой в прорубь прыгнет, лишь бы с мужиками. У них была давняя вражда, еще с тех пор, когда обе в котловане работали. Причину вражды Раиса скрывала, но Галина подозревала, что отбила хитрая бабенка у Раисы любимого. Раиса так и осталась незамужней, а о бурных романах Кирихиной знал весь поселок.

Но именно Кирихина помогла Галине навести порядок и не только организовала в тот же вечер хор, еще и руководить им вызвалась. В хор записалось подозрительно много желающих, и Раиса говорила, что Кирихина наверняка пообещала им дефицитную томатную пасту со Знаком качества и заказы к праздникам.

Галина взялась руководить драматическим коллективом. Посовещавшись, решили начать с «Надоросле». Месяц сооружали костюмы и парики из минваты, бас с буклями и пробором — строчкой из белых ниток. Воронцов приходил на все репетиции, но роль взять отказался, сидел где-то в глубине, и Галина уже привыкла к его присутствию, к смутному пятну лица в темноте зала. В пику Кирихиной результаты труда которой доносились на сцену лихими выкриками и свистом. «В роде калена, темно, не видно словушки не поют?», Раиса согласилась играть Простакову. Она так орала, так размахивала руками, что приходилось ее останавливать — партнеры пугались не на шутку, что прибеет, войдя в роль.

В день премьеры нагнулся Митрофанушка — монтажник Еремеев. В обед встретила его Галина у магазина. Стоял на крыльце и всем входящим говорил вкрадчиво: «Нам географичи к нам, извозчик знавет, куда отвести?» Хотел сказать и Галине, не узнав ее сначала.

— Нам географичи...— Еремеев погрозил пальцем и вдруг отсканулся назад.—Ой, Галина Васильевна!

— Что же вы не сделали, Еремеев?— с отчаянием сказала Галина.

— Для бодрости,— тут же нашелся он,—исключительно для бодрости, к вечеру в норме буду.

Но к вечеру он был так далеко от нормы, что хуже не бывает. Сладко спал за кулисами на груди оставшейся от изготовления париков минваты. Раиса была в ярости. Она-то точно знала, что все это козни Кирихиной, что негодная его врагья нарочно, чтобы провалились с треском.

Несчастные и растерянные, сидели они в полутьме пропахших казенными клеєм кулис, возле мерно вздрагивающего Еремеева. Галина знала, что выговата одна она: как можно было не подумать о дублере. А на сцене под бурные аплодисменты зала разорался хор.

Надо было отдать должное: пели хорошо, с той радостью своего единства, умения слиться разным партиям в одну звуковую, переливающуюся богатством оттенков мелодику, что пробуждает в слушателя сладкую волну восторга. Их вызывали на бис, и, взбодренные успехом, а может, как считала Раиса, и ста граммами, они долго упрашивали себя не заставляли. Пели уже, наверно, десятую песню, когда за кулисами появился Воронцов. Как вежливый человек, пришедший на панхиду малознакомого покойника, Воронцов с прилично скорбным выражением склонился над разמתавшимися вольно Еремеевым. Тот вскрикнул, смачно выдохнул, и Воронцов отпрянул безразлично. Потоптался, глядясь вая в убитые лица несостоявших актеров, и, осторожно ступая, пошел к Галине. Она сидела в ногах Еремеева.

— Галина Васильевна,— услышала она над ухом,—я знаю роль, ведь все репетиции просидел.

И закрутилось. Забыв о Еремееве, о хоре на сцене, загадели радостно, ринулись одеваться. Костюм Воронцову был велик, кисти рук прятались в обшлагах мундирика, спалили штаны, заколотые английской булавкой, лишь парик не умещался на большой лобистой голове, съезжал назад. И может, эта жалкая трогательность дурчака-надопты, застенчивость Воронцова, мельтешащего на сцене нелепо под ногами других исполнителей, и принесли огромный успех, затмивши и пеню кирихинского хора, и декламацию Саши Палушю, и выступление школьного инструментального ансамбля «Верность», тихими голосами исполняющего популярные современные песни. Даже Еремеев проснулся от смеха, аллодисментов, топота сотен ног.

В суете, когда меняли декорации, Галина лишь мельком отметила, что Еремеев лежит змранко. Когда началось второе действие и она снова замерла возле байковой клубы, услышала непонятные звуки за спиной. Обернувшись, что цыкнул, и увидела: лежа плашмя на живете, утонувший лицом в минвату, Еремеев плакал.

Утешать не стала, но, когда после спектакля Воронцов пригласил всех к себе домой отметить невиданный успех, вопреки возражениям всей труппы позвала Еремеева присоединиться. Он один на этом веселом празднике был тих и незаметен, отказался котрез вильте: хотел доказать, что простуюк его случает, закуски тоже не брал, считал, что не заработал.

Сидел в уголке у проигрывателя, меняя пластинки, Галина и злилась на него и жалела. Она предугадывала, как трудно будет ей убедить труппу дать ему снова главную роль, как будет разоряться Раиса, как надутся Воронцов. Но Еремеев обладал той истинной, данной природой страстью к лицедейству, что, взраченная на равных кинолентах в сельском клубе, жила невостребованной в дурашливом угравтом «монтажнике с того берега». Здесь всех делить привычно: с того берега, с этого берега,—так уж принято всегда на строительстве ГЭС, и Еремеев был «монтажник с того берега». «Все-таки он будет играть Гамлетта»,—подумала Галина и, глядя на мурое и жалкое лицо парня, решила бороться за него до конца.

С Марцелой Лайферовой наши любители эстрады познакомились летом этого года. Вместе с другими певцами, музыкантами, актерами она была участницей Дней культуры ЧССР в Советском Союзе.

В «Гала-концерте» певица с успехом исполнила погурри из советских песен, ставших популярными среди ее соотечественников со времен освобождения Чехословакии Советской Армией в 1945 году.

И сразу стало ясно—Лайферова не новичок на эстраде. Она свободно владеет своим голосом (с характерным для современной эстрады тебором и манерой пения), умеет пользоваться микрофоном.

Одним словом, техника исполнения, отступая на второй план, дает певице возможность сосредоточиться на музы-

ке, на содержании и образе исполняемой песни.

В Чехословакии имя Марцелы Лайферовой любимо и популярно. Она стала первой словацкой исполнительницей, получившей главный приз на фестивале «Братиславская лира» в 1969 году. Затем она успешно выступила на конкурсе «Серебряная нимфа» в Александрии.

— За последние годы,—говорит певица,—я посетила многие близкие и далекие страны. Была почти во всех республиках вашей страны, участвовала во всевозможных песенных фестивалях, пела для рабочих сахарных плантаций на Кубе... И пришла к выводу, что у слушателей в разных уголках мира, разных по национальности, характеру, вкусу и темпераменту, есть все-таки общие черты. Они хотят каждый раз сделать для себя пусть даже неболь-

9 ГОСТИ СССР

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

ГОД ПРЕМЬЕР

Для меня 1975 год стал годом нескольких премьер. Написана музыка к полнометражному художественному фильму «Без права на ошибку», снятому на студии «Мосфильм». Выходит на экраны мультипликационный фильм «В порту» с моей музыкой, в которой я попытался совместить познавательное с шуткой. Впервые прозвучала моя музыка и в драматическом спектакле «Разбойники» Шиллера, поставленном в Московском театре имени Пушкина.

Все это для меня ново, так как гораздо больше я работал в жанрах серьезной музыки и на телевидении. И именно те песни, которые были написаны для телепередач, стали наиболее популярными. Это песни «Незримый бой» и телесериала «Следствие ведут ЗнаТоки», ставшая своеобразной эмблемой темы уже десятисерийного

фильма: песни «Деревянные лошади», также написанная для цикла детских телеспектаклей «Ребята с нашего двора».

Очень интересная работа—искать музыкальное решение того или иного спектакля, входить в мир образов автора пьесы, «читать» этот мир глазами современного человека, спорить с режиссером и, наконец, находить музыкальное решение постановки. Интересно пробовать себя в разных жанрах, пробовать новые для себя приемы, которые могут быть использованы и развиты затем в сочинении симфонической и камерной музыки.

Еще одна премьера года для меня—музыкальная кинокомедия «Архимед», снятая на Одесской киностудии молодым режиссером А. Павловским.

Мне интересно было писать музыку к кинокомедии, герои которой, молодые рабочие, составили ансамбль «Архимед». Хотя герой картины—самодель-

шее, но открытие, то есть не терпя протражения, вторичности.

Репертуар Марцеллы Лайферовой разнообразен. В нынешнем году—году 30-летия освобождения Чехословакии Советской Армией—певица выступила с новой песней—«Как быстро пролетело 30 лет» и с советскими песнями «Землянка», «Прощай, любимый город», «Темная ночь».

Ю. ЯКОВЛЕВ

На девятой звуковой странице Марцеллы Лайферовой исполняет две песни Б. Ондрачека и Я. Штрауссера—драматическую «Совсем одна» и шуточную «Альбом», в которой говорится о том, как с годами, уши, люди забывают, что есть на свете любовь и прекрасные, нежные слова...

Фото Л. Лазарева
и В. Коростылева

Елизавета АУЗРЕБА

Первое мое выступление состоялось в школе. Как-то в старших классах готовился литературный вечер, и требование к исполнителю было только одно: звонкий голос. Звонче, чем у меня и у моей подружки Верки, не было во всей школе. Нам объяснили, что на сцене нас поставят в шеренгу лицом к публике, и когда мой сосед справа толкнет меня в бок, я должна буду сказать: «Труд, труби, труд, труби, труд, труби в трубу». На словах «в трубу» и толкнула была толкнула попуру, а ты скажешь: «Бей, барабан, бей, барабан, бей, барабан, борьбу!»

Слова мы выучили наизусть. У меня весь дом говорил «труд, труби». Назначил вечер, раскрылся занавес. Я стала рассматривать публику, и мне очень понравился огромный человек, который сидел как-то боком, выдвигая ноги в проход. Я улыбнулась ему, а он

улыбнулся мне. И тут я получила сразу два толчка в бок. Слова вылетели у меня из головы, будто их там никогда и не было.

Жизненная наука оползла в зрительный зал, и в отчаянии взглянула на понравившегося мне человека и увидела, что он шевелит губами, как бы подсказывая мне слова. «Откуда он их знает?»—подумала я, но все же, что-то уловив, все вскрикнула, закричала на всю школу: «Пруд, пруди, пруд, пруди, пруд, пруди в трубу!» И на словах «в трубу» так толкнула попуру, что ты, отлетев в кулисы, уже оттуда прокричала: «Бей, барабан, бей, барабан, бей, барабан, борьбу!» Занавес закрылся под хохот и гром аплодисментов, которые мне уже тогда понравились. Я твердо решила стать актрисой.

На десятой звуковой странице Елизавета Аузреха читает свой рассказ «Дружеский шаг».

Дорогие советские друзья!
 Мы зовут Хулио Мануэла Торрес. Я работаю на заводе электриком. Изучаю русский язык. Уже понимаю по-русски, читаю, слушаю ваш журнал. Звуковые страницы помогают мне в изучении языка.
 До свидания. Ваш новый друг Хулио.
 г. Гавана (Республика Куба).

От редакции. Дорогой Хулио! Рады вашим успехам в изучении русского языка. Советуем обратить внимание и на детское приложение к «Крутозору» — журнал «Колобок». Звуковые страницы его сопровождаются текстовыми листовками с ударением на каждом слове в помощь изучающим русский язык.

Здравствуй, дорогая редакция «Крутозора»!
 Пишет вам ученица 10-го класса и участница стройки БАМа. Вы, конечно, улыбнетесь: ученица и была на БАМе? Но это правда. В марте 1973 года мы, ученицы школы № 12 г. Краснопреска, побывали на комсомольской стройке.

Перед весенними каникулами Алексей Васильевич, главный редактор 7 «В», где и была пионервожатой, спросил: «А что, если нам съездить в Звездный?»

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

И поездка состоялась. Правда, в Звездный мы не попали, остановились на станции Лена. Нам был выделен интерьер и заказан автобус для экскурсий по строительству. Мы видели людей с мужественными лицами, они улыбались, глядя нам вслед: «Новые бабочки прибыли!». А самое главное, мы вместе с ними тоже работали на засыпке рельсов. Эта поездка навсегда останется для меня событием, которым я могу гордиться в свои 16 лет.

Хочется, чтобы следующий номер вы хотя бы немного посвятили БАМу. Песни об этой ударной стройке сейчас самые популярные у молодежи, особенно «Веселей, ребята, выпало нам строить путь железный, в корочку — БАМ!».

Теперь я переехала в г. Павлодар, но переписываюсь с моими пионерами-бабочками.

С комсомольским приветом Ран Кикарош.

От редакции. Справа для всех, кто интересуется звуковые материалы о БАМе: «Крутозор» начал публиковать их с № 10 1974 года (репортаж о первом десанте и песня «БАМ»). По просьбам читателей в № 1 за 1975 год помещены песни «Багульки» и «Нужна наша молодость», в № 5 — «Стройте БАМ», в № 8 — песня-репортаж «От Боэрич корчагинской до БАМа» и «Давай, Амур, давай Байкал», в № 11 — репортаж из пяти точек магистрали. Тема комсомольской ударной и впрямь будет регулярно появляться в журнале.

12 (141) декабрь
1975

Год основания —
1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
 ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
 ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
 ИLLUСТРИРОВАННЫЙ
 ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
 КОМИТЕТ СОВЕТА
 МИНИСТРОВ СССР
 ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
 И РАДИОВЕЩАНИЮ
 1975 г.

На первой странице
 обложки
 рисунок художника
 А. Борисова
 Стахановцы.

Звуковые страницы
 изготовлены Воеводской
 студией грамзаписи
 фирмы «Мелодия»
 и Государственным
 Домом радиозаписи
 и звукозаписи

Сдано в набор
 30/Х 1975 г.
 Б 05422 Подл к печ.
 10. XI 1975 г.
 Формат 60x84 1/2
 Усл. п. л. 124
 Уч.-изд. л. 203
 Тираж 50000 экз.
 Зак. 1337 Цена 1 руб.

Средна Ленина
 и ордена Октябрьской
 Революции типография
 газеты «Правда»
 имени В. И. Ленина
 125865, Москва, А-47,
 ГСП, ул. «Правды», 24

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Дочери борьбы.** Звуковой плакат Всемирной встречи девушек в Москве.
2. **Дом для тебя.** Говорит Герой Советского Союза архитектор С. П. Тутуленко.
3. **Сотрудничество в космосе.** Документальные записи полета «Союз» — «Аполлон».
4. **Репортер в современном мире.** Интервью, взятые на IX Международном кинофестивале.
5. **Кем был заказан рисунок?** К истории акварели, иллюстрирующей восстание декабристов в 1825 году.
6. **Последнее произведение Шостаковича.** Фрагмент сонаты для альта и фортепиано.
7. **Эдит Пиаф.** Штрихи к портрету.
8. **Песни М. Минкова** исполняет ансамбль «Поющие сердца».
9. **Поэт Марцела Лайферова** (Чехословакия): «Всегда одна» и «Альбом» (В. Ондрачек, Я. Штрацер).
10. **На эстраде — Елизавета Ауэрбах:** юмореска «Приезжий».
11. «Если у тебя есть друг» Песни Алана Прайса (Англия) из кинофильма «О, счастливычки!».
12. **Валентина Толкунова (СССР):** «Расскажи мне, поле» (В. Пиккуль, В. Кузнецов) и «Друг» (О. Фельцман, Р. Рождественский).

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО
 Редакционная коллегия:
 В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), И. Д. КАЗАКОВА,
 Л. В. КРЕНКЕЛЬ, А. А. СУБУТКИН (главный художник),
 В. В. МАНИН, Н. П. СУБОТКИН (главный режиссер),
 Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите нам
 по адресу:

113326, Москва,
 Пятницкая, 26, «Крутозор»

Московская премьера состоялась четвертого октября. До этого по традиции сочинение игралось в Ленинграде. Малый зал Московской консерватории переполнен: исполняется соната для альта и фортепиано Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, ставшая последним законченным произведением композитора. Исполнители — заслуженный артист РСФСР Федор Дружинин и пианист Михаил Мунтян. На титульном листе сонаты надписи рукой Шостаковича: «Посвящается Федору Сергеевичу Дружинину».

Ф. С. Дружинин. Весной этого года квартет имени Бетховена показывал Шостаковичу его Пятнадцатый струнный квартет. Я играл на альте работы Андреа Гварнери, полученном недавно из государственной коллекции. «Слушал этот инструмент с пристрастием, — сказал мне тогда Дмитрий Дмитриевич, — он звучит так мощно, так красиво по

техническому просчету и даже появляется совершенно новый вид использования инструмента — игра гаммы параллельными квартами. На вопрос Дмитрия Дмитриевича, возможно ли это, я ответил: «Вы этим не мучайтесь, пишите, как слышите, а наше дело выучить. И если никто из альтистов не играл таких кварт раньше, то теперь будут играть».

Дмитрий Дмитриевич всегда был скрупулезен в определении программы произведения. Он, очевидно, совершенно справедливо считал, что музыку нельзя и не нужно передавать словами. И тем не менее в одном из телефонных разговоров как бы набросал программу. Первая часть — новелла, вторая — скерцо, а третья — можно назвать великого композитора. Потом была пауза, и он дважды повторил: Бетховена, Бетховена...

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

ПРОЩАЛЬНАЯ СОНАТА

тембру...» Примерно в это же время на квартире Шостаковича, в его кабинете я сыграл альтовые сонаты Григория Фрида и Моисея Вайнберга. Вспоминаю, эта цель прослушивания и стала поводом для создания нового произведения? Уже в мае, по совету тещи Ирины Антоновны — жены композитора, возник замысел сонаты для альта с фортепиано. А 25 июня Дмитрий Дмитриевич сам сообщил, что замысел создан полностью. Это значило, что соната готова, осталась ее записать, что для тяжелобольного композитора было весьма трудно. И все-таки 5 июля работа была закончена, причем последняя часть записывалась меньше суток.

Дмитрия Дмитриевича беспокоили некоторые технические приемы и возможности альта. Но опасения его оказались напрасными: мало кто так в совершенстве знает инструмент, как знал их Шостакович. В сонате нет ни одного

Когда я стал особенно тревожиться, что нет вестей от Дмитрия Дмитриевича, он прислал мне в Тарусу письмо. Просил отдохнуть спокойно, так как ноты раньше чем к 20 июля, готовы не будут. Затем сообщил, что я получу их в начале августа.

Попали они ко мне в руки шестого числа. Первое, что меня поразило, — посвящение. Я не предполагал, что буду одарен таким драгоценным, теперь уже прощальным даром Шостаковича, его прекрасным созвучием, в котором, как при всплеске молнии, явственно видны все совершенные детали...

На шестой звуковой странице «Кругозора» впервые записал Фрагменты сонаты Шостаковича. Федор и Сергеевич Дружинин продолжают рассказ о инструменте в руках.

ВАЛЕНТИНА ТОЛКУНОВА

12

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Каждой осенью в Ставрополе проводится песенный фестиваль, в котором принимают участие композиторы, поэты и исполнители со всей России. В этом году в их числе была и Валентина Толкунова.

Ее выступления проходили при переполненных залах и обратил внимание, что среди ожидавших артистку после концерта нет восторженных девочек и мальчиков. Больше всего это умудренные опытом люди. Для них Толкунова — олицетворение женственности, красоты и доброты. Одна пожилая женщина сказала: «Я послушала вас и как будто поговорила со своей дочкой, которую не видела несколько лет. Спасибо».

И думается, дело не столько в образах исполняемых Толкуновой песен — «Поговори со мною, мама» или «Взрослые дочери», «Стою на полустаночке» или «Серебряные свадьбы», сколько в личности самой артистки, в ее умении находить своих героев.

Нужно обладать достаточной творческой смелостью, чтобы превратить существующую на эстраде модию на громкий электрогитарный аккомпанемент, на песни с преувеличенно эмоциональным рефреном и лишь под сопровождение фортепиано повести нагромозченный разговор, как говорится, от сердца к сердцу.

Москвичка Валентина Толкунова поет с детства. Сначала в школьном хоре, затем в детском хоре ЦДКЖ, куда прошла по конкурсу. После этого учеба на дирижерско-хоровом отделении Института культуры. Но совмещать занятия и гастрольные поездки с вокальной группой ВЮБ 66 было трудно, и Толкунова перевелась на заочное отделение музыкального училища имени Гнесиных, которое и окончила с оценкой «отлично», проработав на выпускном экзамене хорами Г. Свиридова и Д. Шостаковича.

Ну, а как началась эстрадная певичка Валентина Толкунова? Пожалуй, с того момента, когда композитор И. Катаев пригласил ее записать песни к телефильму «День за днем» и она вышла к микрофону одна...

Павел АЕДОНИЦКИЙ

Цена 1 руб.